

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ЭММАНЮЭЛЬ
ПИРОТТ

СЕГОДНЯ
МЫ ЖИВЫ

Москва
2017

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Бел)-44
ПЗЗ

Emmanuelle Pirotte
TODAY WE LIVE
TODAY WE LIVE by Emmanuelle PIROTTE
© LE CHERCHE MIDI

Фото автора © Emmanuelle Pirotte
Перевод с французского *Е. Клоковой*
Художественное оформление *А. Старикова*

Пиротт, Эмманюэль.
ПЗЗ **Сегодня мы живы / Эмманюэль Пиротт ;**
[пер. с фр. Е. В. Клоковой]. — Москва : Из-
дательство «Э», 2017. — 320 с. — (Интеллек-
туальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-94746-1

«Сегодня мы живы» — книга о Второй мировой войне, о Холокосте, о том, как война калечит, коверкает человеческие судьбы. Но самое главное — это книга о любви, о том иррациональном чувстве, которое заставило немецкого солдата Матиаса, идеальную машину для убийств, полюбить всем сердцем еврейскую девочку.

Он вел ее на расстрел и понял, что не сможет в нее выстрелить. Они больше не немец и еврейка. Они — просто люди, которые нуждаются друг в друге. И отныне он будет ее защищать от всего мира и выберется из таких перепрач, из которых не выбрался бы никто другой.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Бел)-44

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94746-1

1

Время остановилось. Отец не донес до рта бутерброд. Никто не потянулся за чашкой дымящегося кофе. Потом на улице раздался истерический женский вопль. Кто-то плакал, кричал, ржала лошадь. Отец открыл окно, мгновенно выстудив крохотную кухню, окликнул стоявшего внизу мужчину, что-то спросил и захлопнул створку. Мать и мальчики, Марсель и Анри, молча смотрели на Рене, а она два раза торопливо откусила от ломтика хлеба с маслом — что тут такого, есть ведь все равно хочется...

Отец выглядел постаревшим на десять лет.

— Они возвращаются. — В его голосе прозвучала обреченность.

Мать перекрестилась.

— Нужно что-то делать с Рене, — продолжил он.

— Нет! — Из груди женщины вырвалось рыдание.

Она не смела посмотреть на девочку. Анри тоже отвернулся, зато Марсель не сводил с Рене глаз.

— Ты ведь знаешь, за что расстреляли Батиста? Он хранил в погребе английские флаги. А уж за еврейку в доме...

Она зна́ком велела ему замолчать. Еврейка. Разве можно произносить вслух это слово? Мать никогда толком не понимала, что такое быть евреем, знала одно — это опасно. Рене попала к ним в дом пять месяцев назад. Нелюдимая гордая девочка лет шести-семи с черными цыганскими глазами. Эти глаза не отпускали вас, следили за каждым вашим движением и казались не по-детски умными. Рене всегда держалась настороженно, всем интересовалась, все понимала... Де-

вочка немного их пугала — всех, кроме Марсея, они с Рене стали неразлучны. В сентябре отпраздновали Освобождение, но за ней никто не приехал. И вот кошмар возвращается, да еще среди зимы! И за что только Небеса прогневались на нас... Отец нервно переминался с ноги на ногу.

— Боши будут здесь самое позднее через полчаса. Пирсоны в курсе насчет Рене и как пить дать донесут.

Женщина знала, что муж прав. В церкви, на мессе, она не раз ловила на себе ненавидящие взгляды Катрин Пирсон.

— Пора... Идем, Рене, — выдохнул отец.

Малышка послушалась, и у матери чуть сердце не разорвалось. Одному Богу ведомо, почему ее так потрясла неизбежность расставания с чужим ребенком, которого она и полюбить-то толком не успела. Девочка надела пальто и начала деловито застегивать пухленькими паль-

чиками пуговицы. Отец резким движением натянул ей на голову шапку с помпоном. Она была спокойна, ужасающе спокойна, но одновременно натянута, как струна, и готова беспрекословно выполнять все, что потребуется. Именно эта странность Рене и раздражала мать... всегда, но не сегодня. Она всхлипнула, выскочила в коридор и побежала вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

— Прощайтесь, ребята, — велел отец.

Анри, старший, едва коснулся Рене, а одиннадцатилетний Марсель долго не размыкал объятий, так что она в конце концов мягко отодвинула его. Марсель плакал. Девочка посмотрела ему в глаза, чмокнула в щеку и протянула ладошку отцу. В кухню вернулась мать, в одной руке у нее был чемоданчик, в другой — старая тряпичная кукла. Она отдала игрушку Рене и поцеловала ее в лоб. Мужчина схватил чемодан, открыл дверь и увлек девочку за собой в холод, крики,

панику и опасность. Замок сухо шелкнул, а мать несколько долгих мгновений стояла, устремив взгляд в пустоту, держа руки ладонями вверх, как делают нищие, потом обернулась к сыновьям и прошептала:

— Она не надела рукавицы...

Отец несся вперед, словно пытался убежать от адских псов, мертвой хваткой сжимая пальцы Рене, так что она едва касалась ногами земли. Ледяной ветер хлестал ее по щекам. Вокруг них царил хаос. В телеге на матрасе сидела заплаканная старуха с орущим грудничком на руках. Мужчина и женщина вырывали друг у друга стеганое покрывало, страшно при этом ругаясь. Мать звала ребенка, истерически рыдая и озираясь по сторонам; остальное семейство уже устроилось в повозке, готовое покинуть деревню. Рене удивило, что они механически болтали ногами, поразительно спокойные посреди всеобщей суеты. Большинство

жителей уходили пешком: скарб, детей и стариков они уносили на спинах или везли в колясках.

Отец и Рене оказались на площади, где стоял дом священника. Мужчина позвонил в колокольчик. Дверь открылась почти сразу, и на пороге возникла высокая фигура кюре. Он провел их в гостиную, где в камине горел жаркий огонь, отбрасывая тени на обшитые деревянными панелями стены. В комнате вкусно пахло воском. Отец объяснил, зачем пришел.

— Здесь она тоже не будет в безопасности. — Священник удрученно покачал головой.

— Конечно, будет, — пробормотал отец.

Где угодно, только не в его доме! Пять месяцев назад, соглашаясь приютить Рене, он понимал, какому риску подвергает себя и всю свою семью. Но тогда казалось, что война подходит к концу, немцев в округе не видели уже много меся-

цев. Но чертовы боши вернулись, и одному Богу известно, чего теперь от них ждать. Поражение озлобило варваров в серо-зеленых мундирах, и они возродились, как вырвавшиеся из преисподней призраки. Отец вспомнил сына аптекаря, которого убили за церковь, представил окровавленные лица сыновей, их тела, простреленные автоматной очередью, его рот мучительно дернулся. Он топтался на месте, все крепче сжимая пальчики Рене в своей огромной ладони.

— Ладно, Жак, — наконец произнес кюре.

Благодарность затопила сердце отца, ему хотелось упасть на колени перед своим спасителем, но он ограничился кривой полубезумной улыбкой. Священник почувствовал жалость к этому доброму по натуре человеку, не сумевшему побороть трусость, и с дружеским участием похлопал его по плечу. Тот осипшим голосом пробормотал «спасибо», выпустил

из рук чемоданчик и ладошку Рене, наклонился, взял девочку за плечи, посмотрел ей в глаза и... почувствовал себя ничтожеством. Во взгляде малышки не было упрека, гнева, печали, страха и смирения — только нечто куда более могущественное, с трудом поддающееся объяснению. Потрясенный, сгорающий со стыда, отец коснулся ее лба и сбежал, как вор.

— Любишь гренки? — спросил кюре.

— Ужасно люблю! — ответила Рене.

Слово «ужасно» развеселило священника. Малышка сияла, предвкушая удовольствие от вымоченного в подслащенном молоке и взбитых яйцах хлеба, поджаренного на сливочном масле. Он повел ее на кухню и занялся делом. Она попросила разрешения разбить яйца, была спокойна, собранна, как будто в хороший мирный денек пришла в гости к знакомому. Кюре опустил венчик в миску и вдруг насторожился. С улицы донесся звук мотора. Он подошел к окну и увидел, как на площадь

на полной скорости вылетел «Кюбельваген»¹. Солдаты с автоматами на изготовку заняли позиции. Из вездехода вышел офицер. Священник заметил, как блеснули две золоченые молнии на петлицах. Проклятый знак². Немцы выгнали из дома его обитателей и выстроили перед фасадом, приказав поднять руки за голову. Эсэсовец медленно шел вдоль строя насмерть перепуганных людей. Кюре обернулся: Рене стояла у него за спиной и во все глаза смотрела на происходящее. Он схватил стоявший посреди комнаты чемоданчик и сжал ее руку. Пропали гренки...

¹ «Кюбельваген» — немецкий военный легкий вездеход со съемным тентом и без боковых окон. За высокую надежность, живучесть и проходимость автомобиль получил прозвище «немецкий верблюд». (*Здесь и далее примеч. перев.*)

² Зловещая эмблема СС (военизированные формирования НСДАП в 1933—1945 гг.), печально известная миллионам людей, была разработана художником-графиком гауптштурмфюрером СС Вальтером Хекком в 1933 г. Эмблема имела вид сдвоенных рун «зиг» и напоминала латинское написание «SS» (44 — руническое «SS»). Руна «зиг» — атрибут бога войны Тора. Г. Гиммлер утвердил «сдвоенную молнию» в качестве эмблемы СС.

Тяжелые башмаки мужчины оставляли глубокие следы между засыпанными снегом грядками. Они прошли через сад и оказались в открытом поле. Кюре бежал что было сил, и Рене едва за ним поспежала — ее маленькие ножки проваливались в снег по колено. Она упала, он рывком поднял ее, и они продолжили отчаянную гонку. Дорогу и окрестные поля занесло, все вокруг было белым-бело. Низкое пухлое небо сливалось с пейзажем. Рене совсем задохнулась, и кюре подхватил ее на руки. Вдалеке, на дороге, что-то двигалось. Машина. Священник прыгнул в кювет, крепко прижав к себе девочку. Шум мотора приблизился. Кюре выглянул, перекрестился и улыбнулся Рене. Американский джип, значит, ребенок спасен. Он выскочил на обочину и принялся отчаянно махать руками. Водитель резко затормозил, едва не задев его крылом.

— *You take girl!*¹ — крикнул кюре.

¹ Возьмите девочку! (*англ.*)

Солдаты переглянулись.

— *Are you crazy?!¹* — ответил сидевший за рулем.

— *She²* еврейка! В деревне СС! *She kaput!³*

Священник поднял Рене и посадил ее на заднее сиденье. Второй солдат обернулся и встретился с ней взглядом. Джип сорвался с места и исчез в белой мгле, а детский чемоданчик остался лежать на дороге.

Рене сильно трясло. Она достала из кармана своего тряпичного человечка и тут услышала, как шофер обратился к товарищу:

— *Und jetzt, was machen wir?⁴*

Девочка сразу узнала язык тех, с кем никогда и ни за что не должна была встречаться. Она всего дважды слышала, как он звучит, но с другим точно бы не спу-

¹ Вы рехнулись?! (англ.)

² Она (англ.).

³ Ее уничтожат! (искаж. англ.)

⁴ Ну и что нам теперь делать? (нем.)